

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. П. ОГАРЕВА»

ФИННО-УГРИСТИКА 9

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

УДК 811.511.1
ББК Ш166
Ф605

Редакционная коллегия:

М. В. Мосин (отв. ред.), *Д. В. Цыганкин*,
И. Н. Рябов, *Ю. Г. Антонов* (отв. секретарь)

Финно-угристика 9 : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.:
Ф605 *М. В. Мосин* (отв. ред.) [и др.]. — Саранск : Изд-во Мордов.
ун-та, 2010. — 200 с.
ISBN 978-5-7103-2214-7

Сборник, посвященный юбилею одного из ведущих мордовских филологов профессора *Е. И. Чернова*, включает статьи и исследования отечественных литературоведов, лингвистов, фольклористов — представителей гуманитарных наук, на стыке которых или с использованием материалов которых создавал свои литературоведческие труды юбиляр.

Предназначен для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов гуманитарного профиля, учителей и учащихся школ.

УДК 811.511.1
ББК Ш166

ISBN 978-5-7103-2214-7

© Оформление. Издательство
Мордовского университета,
2010

РОМАН ВАЛИШИН КАК ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ НОВЫХ ФОРМ В УДМУРТСКОЙ ПРОЗЕ

Т. И. Зайцева

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Удмуртские ученые, рассматривая литературный процесс второй половины 1950-х годов, довольно единодушны в оценке этого исторического периода как определенного рубежа в развитии национальной литературы. Отечественная литература времен «оттепели» характеризуется в науке как фаза «деканонизации» в ней метода социалистического реализма [1].

Прорыв национальной литературы на качественно иной уровень художественного развития связан в первую очередь с творчеством писателей Г. Красильникова (1928–1975) и Р. Валишина (1937–1979). В сфере изучения творчества этих писателей в нашем литературоведении накоплен большой опыт, но, к сожалению, не вовлеченными в научный оборот и в силу этого почти неизвестными остаются вершинные в национальном литературном процессе тех лет рассказы Р. Валишина «Тополь куаръёс» («Тополиные листья»), «Чырс чумерен шыд» («Кислый суп с клецками»), «Тодметъёс» («Приметы»), «Тодыгубиос» («Белые грибы»). В этих произведениях Р. Валишин проявил себя как мастер небольшого рассказа с ослабленной фабульностью, с повышенной субъективностью и усиленной ролью рассказчика, автора или героя, с пристальным вниманием к детали, текущему человеческому чувству, состоянию.

Можно найти множество точек соприкосновения валишинских рассказов с литературой 1990-х годов и первого десятилетия XXI века. Но наибольшую связь, пожалуй, здесь обнаруживает лирико-символическая тема, обостренный интерес к сфере вечных проблем бытия. Творчество Р. Валишина оказалось близко и необходимо удмуртской литературе и ее читателю конца двадцатого столетия, когда в атмосфере идейного блуждания и социальной расшатанности смешались представления о добре и зле, правде и лжи, национальный мир утратил свои обычные точки опоры. Ирония и горький смех, подчеркнутая субъективность и пронзительно грустная тональность повествования, одинокий и непонятый герой – черты произведений сегодняшних молодых авторов. Лирическая скорбь, внутренняя боль и какая-то личностная сопричастность тому, о чем пишет, – особенность всех произведений, речей, дневниковых записей, литературно-критических выступлений Р. Валишина. Вот главное, что сближает

Валишина с современностью. Нельзя не признать и того, что более свободное развитие удмуртского рассказа в сравнении с романом и повестью в «застойные» годы (1970–1980-е гг.) также было во многом связано с раскрепощенной традицией «малой» прозы, в том числе и рассказов Р. Валишина.

Есть основание говорить о том, что творчество Валишина развивается и эволюционирует под знаком идеи утраченного духовного родства удмуртского этноса, во многих его произведениях отмечены первые опасные симптомы надвигающегося бедствия в среде национальной интеллигенции – утрата народных корней, цинизм, безверие. Жизнь, по мысли писателя, держится на тонких и невидимых нитях благородных человеческих устремлений. Вот почему в произведениях Валишина на первом плане отношение героя не просто к событиям текущей жизни, но к событиям и явлениям, запечатленным человеческой памятью. Отсюда отсутствие инерции «гладкого» сюжета, фрагментарность композиционных построений, смысловая многозначность и уплотненность символики.

Сюжет рассказов «Тополиные листья» и «Кислый суп с клецками» связан с событиями военного детства, а два других – «Приметы» и «Белые грибы» можно назвать «необычными» или «странными», в них с наибольшей отчетливостью воплотились художественные особенности последнего этапа развития валишинской прозы. В этих рассказах особо четко обозначилась новая сфера интересов удмуртской литературы – внимание к едва уловимому, скрытому душевному состоянию героя. Их всего два (известных нам), но значение этих рассказов так велико, поскольку художественные открытия, сделанные здесь Р. Валишиным, во многом определили этическую направленность удмуртской прозы последующих десятилетий.

Ядром рассказов «Приметы» и «Белые грибы» явилась народная ценностная концепция. В первом произведении речь идет о том, что обретенная человеком в детстве духовная опора помогает ему выдержать все перипетии последующих жизненных испытаний. Во втором рассказе говорится о человеческой природе, сложных моментах во взаимоотношениях между близкими людьми, подспудном трагизме мирного течения будней. Писатель ставит в центр повествования героев, основная деятельность которых сосредоточена, если так можно выразиться, в области мысли, чувства, воображения. В основе рассказов – своеобразная поэтика воспоминаний.

В рассказе «Приметы», построенном автором на материале воспоминаний о собственном военном детстве, раскрыт процесс неосознанного усвоения ребенком трудовой морали народа, являющейся

вековечной основой национального бытия. Текст рассказа «Приметы» целиком построен на образных связях и сложных ассоциациях, где важное значение приобретает роль художественной детали – метки жнецов. Спустя много лет герой незаметно для себя понял, что вся его жизнь состоит из непрерывной череды тех или иных «меток», что каждый человек оставляет на земле свои знаки. В рассказе оживают картины трудных военных лет, пора жатвы хлебов. Убранное деревенское поле хранит следы тяжелого физического труда детей, вдов, матерей. Оно сплошь усыпано метками, что ставят для себя женщины, выделяя участки предстоящей работы на долгий трудовой день.

В рассказе создается одновременно символически-обобщенный и предметно-конкретный образ отличительного знака – метки: человек в жизни оставляет свои следы, но и жизнь «метит» человека шрамами. Эпизод, когда мальчик порезал серпом палец, наводит на мысль, что это лишь первая метка. А сколько их еще впереди: «Сами подумайте: человек шагает по жизни, километры за километрами проходит и оставляет на этом жизненном пути свои метки. Скажут потом, этот сад Ивана Ивановича, дом – Петрова, поле – Михайлова. Да, это так, каждый в жизни оставляет свои метки. А разве он и на себе не ставит метки? Ранние глубокие морщинки, седые волосы, появившиеся раньше времени, порезанный во время первой жатвы палец совсем юного подростка, потерянные на войне руки или нога мужика... – разные они, метки!» [2, 209]. Валишинские трудовые метки олицетворяют силу, живучесть и душевную стойкость удмуртского народа.

Писатель стремится создать зрительный образ, выдвигающий на первый план произведения не человеческие качества героя (добрый, злой, сильный, слабый и т.д.), а его восприятие мира, позволяющее вызвать у читателя поток ассоциаций. Особый характер имеет стилистическое мастерство Валишина, для рассказа характерна насыщенность изысканными словосочетаниями, необычными словоформами, колоритными метафорами и сравнениями, своеобразная ритмическая организованность текста.

Основным предметом непосредственного изображения в рассказе Р. Валишина «Белые грибы» стало переживание, здесь мир окружающих явлений художественно претворен в субъективный мир повествователя. Для рассказа характерен отказ от таких традиционных форм прозаического повествования, как событийность, хронологическая и причинная связь изображаемых явлений.

В центре авторского внимания – состояние души человека, разбухшее воспоминаниями. Поводом к размышлению для рассказчика стали соленые грибы на поминальном столе, собранному по

поводу внезапно умершего зимой товарища по работе. У рассказчика нет имени, портретных черт, индивидуальной биографии. Однако в том, как он воспринимает жизнь, осмысляет события, чувствует, думает получили конкретную определенность настроения и приметы времени. В среде удмуртской интеллигенции распространилось состояние отчужденности, ощущение того, что поколеблены непреложные нравственные законы, изменилась и сама природа человеческих чувствований. В каждодневной суете и непомерной спешке отмирают основные духовные устои народа, исчезает мир естественных и милосердных отношений между людьми, выработанных вековечным трудом на земле и близостью к природе. Р. Валипин создал рассказ-предостережение, написал о том, как теряется любовь. А когда ее нет, уходят из жизни в первую очередь природы легко ранимые, добрые, мягкосердечные. Писатель четко уловил драму невидимых, необратимых деформаций души современного удмурта.

Рассказчик – это человек в общем-то умный и хороший, но в дружеских отношениях не умюющий до конца оставаться личностью искренней и порядочной. Находясь в кругу постоянных бытовых хлопот и суматошной беготни «по делам», так и не успел он откликнуться на неоднократные просьбы-приглашения коллеги съездить к нему на дачу за грибами, побыть вместе, поделиться сокровенным. Каждый раз с легкостью давая обещания сослуживцу, рассказчик не придавал значения тому, что их невыполнение оборачивалось для человека обманом, а обман не может быть невинным. И действительно, разучившись отзываться на просьбы и заботы близкого, соседа, знакомого, человека вообще, мы незаметно для себя разрываем преемственность национальных традиций, воспроизводим равнодушие и пустоту. Открыто в смерти героя писатель никого не обвиняет, но он грустит по поводу несовершенства нынешнего рода человеческого и ненавязчиво подводит читателя к раздумьям о том, что недостаток живого внимания и товарищеской поддержки приводит к трагедии.

Читатель припоминает и в своей жизни случаи собственного или чужого равнодушия и незаметно для себя проникается печальной интонацией рассказа. Ибо рассказ написан с удивительной силой анализа человеческого состояния и потому очень точно передает ощущение нечаянных потерь. При всем том трагический исход в сознании рассказчика преломляется неоднозначно. На следующее лето после смерти сослуживца рассказчик, как бы желая искупить свою вину, приходит на ту самую дачу. Тропинка, ведущая его на дачу, оказалась дорогой не только к загородному дому, но и путем его возвращения к самому себе, к состоянию естественности и простоты. Оскудевшая в ежедневной

суетливости душа рассказчика наполняется новыми чувствами, он начинает видеть окружающий мир сквозь призму одухотворенных ощущений умершего коллеги, ощущает красоту земного бытия.

Оказалось, что герой умер, но образ его, удерживаемый памятью рассказчика, сохраняется, продолжает воздействовать и напоминать ему: «Ты ходи каждый день на работу, ешь, спи, но главное, не забывай о том, что на свете есть еще белый подснежник и зеленые побеги дягиля, голубое небо и любовь...» [3, 214].

Р. Валишин, по всей видимости, особо остро ощущал, что после смерти Г. Красильникова в удмуртской литературе в ближайшее время не будет прозаика, которого можно было бы сравнить с ним по широте литературно-общественных воззрений и глубине понимания сути художественного творчества. К тому времени в литературу хлынул поток проходных произведений с «охудожествленными» принципами обрисовки социальной действительности и средствами характеристики героев. Понимание необходимости обогащения выразительных возможностей удмуртской прозы и определило ведущую творческую манеру поздних валишинских рассказов. Писателя более других его современников волновало то, что без красильниковского «прикрытия» в литературе начался процесс идеологического давления на писателей. Он мечтал об удмуртской литературе глубокой нравственно-этической, философской насыщенности. Об этом пишет в своих воспоминаниях о Р. Валишине диктор удмуртского радио тех лет М. В. Гаврилова-Решитько [4].

Библиографические ссылки

1. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон : Сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко – СПб. : Академ. проект, 2000. – С. 281–288.
2. Валишин Р. Г. Тодметъёс (Приметы) / Р. Г. Валишин // Валишин Р. Г. Тодметъёс: веросьёс, дневник, статьяос но рецензиос. (Приметы: рассказы, дневник, статьи и рецензии). – Ижевск : Удмуртия, 1990. (Подстрочный перевод автора статьи – Т.З.).
3. Валишин Р. Г. Тоды губиос (Белые грибы) / Р. Г. Валишин // Валишин Р. Г. Тодметъёс: веросьёс, дневник, статьяос но рецензиос. (Приметы: рассказы, дневник, статьи и рецензии). – Ижевск : Удмуртия, 1990. (Подстрочный перевод автора статьи – Т.З.).
4. Гаврилова-Решитько М. В. Эшгьяськонлэн шунытэз : очеркъёс, тодэ ваёнъёс. (Тепло дружбы : очерки, воспоминания). – Ижевск : Удмуртия, 2005.